

БОРИС ПУГАЧЕВ

СОВРЕМЕННАЯ САГА

Дуэль с собой

Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П88

Пугачев, Б.Л.

П 88 Дуэль с собой/Борис Пугачев. – М.:
2011. – 448 с. (Современная сага)

ISBN 978-5-17-074198-4
ISBN 978-5-271-35685-8

Эта книга – настоящая сага о времени, которое определило нас сегодняшних. Восемидесятые... Эпоха предчувствия. Главный герой бросает успешную карьеру ученого и начинает вести двойную жизнь.

Предательство и любовь, первые сделки и аферы, криминал и сражения без правил. Тогда начиналась совершенно новая жизнь. В истории героя каждый увидит что-то свое. Невероятно, но это было со всеми нами.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Пугачев Б.Л., 2011

БОРИС ПУГАЧЕВ

СОВРЕМЕННАЯ САГА

Путь в лабиринте
Сметает время даже имена
Великих дел; могилу ждет могила.
Весну сменяет новая весна,
Века бледнеют, все теряет силы,
Бесчисленных надгробий имена
Становятся безжизненно унылы
С теченьем лет, и так же, как живых,
Пучина смерти поглощает их.

Д. Байрон

Тянулась долгая, долгая ночь, но близость утра уже ощущалась. Только никто не знал, каким оно будет, это утро. Одни ждали солнце, другие — дождь, третьи — ветер, и все вместе надеялись увидеть то, чего не было вчера. Предвкушение неизвестного непривычно будоражило недавно еще бесчувственное советское общество, вовлекая его в несвойственный единый круговорот беспричинных волнений, тревог, страхов, алчности и многих, многих других ощущений, отличающих людей от животных. А главное — вызывало надежду на то, что невозможное станет возможным.

Те же чувства бередили душу Родиона Ивановича Жмакина — успешного советского ученого, активного члена КПСС, примерного семьянина и законопослушного патриота.

Родион Иванович был общительным, открытым человеком, оптимистом, любившим компанию и всё с этим связанное, что, однако, не мешало ему делать успешную карьеру за счет врожденных способностей и исключительного трудолюбия. Друзья и родственники звали его Родиком, а на работе, несмотря на молодость, почтительно величали по имени-отчеству...

Ноябрьским утром тысяча девятьсот восемьдесят девятого года Жмакину приснился очередной цветной сон,

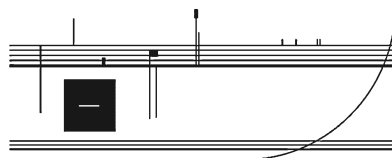
очень похожий на многие предыдущие. Толпа несла его по лестницам и переходам огромного, сложной архитектуры здания. Здание рушилось, лестничные пролеты падали, стекла лопались и мелкими острыми осколками ранили бегущих. Пол под ногами вставал дыбом. Кто-то падал, кто-то мчался дальше. Рядом метались знакомые люди, но они его не видели. И тут Родик понял, что вокруг все уже мертвые и только он еще жив. Что-то зазвенело в голове, ужас охватил и сковал все тело, а звон стал нестерпимым, назойливо проникая в каждую клетку мозга. Голова загудела... И вдруг сквозь эту какофонию прорвался голос жены:

— Родик, вставай, вставай... Родик... На работу опоздаешь, будильник иззвонился. Подъем!

Сознание медленно возвращалось к реальности, и Родик наконец сообразил, что лежит в своей кровати, в стандартной московской двухкомнатной квартире. Ночные ужасы отступили — и в голове теперь крутились вполне банальные мысли о том, что не хочется вставать, мыться и вообще что-либо делать.

Родик взял звенящий будильник и, близоруко прищурившись, всмотрелся в циферблат. «И правда пора вставать, — нажав кнопку, подумал он. — Чертовщина какая-то опять привиделась. Что-то часто стали сниться похожие друг на друга сны. Тягостные сны. Утренние и запоминающиеся. После них апатия наступает. Раньше такого не бывало — даже после пьянки активным и бодрым вскакивал. На работу, как на первое свидание, спешил. Сны... Сны раньше тоже видел, но радостные, легкие. Наверное, они с жизнью параллельно идут. Жизнь летела как стрела, и в снах — полеты, победы, удовольствия. А сейчас прямая в жизни кончилась. Кратчайшее расстояние между точками теперь — совсем не прямая линия. Да и точек стало очень много. С чего же это началось?..»

Родик закрыл глаза и, сам не понимая зачем, стал вспоминать последние годы, думая о себе в третьем лице, как о другом человеке. Он перебирал и анализировал события, находясь как бы над ними. Как будто душа его оторвалась от тела и парила где-то в другом измерении...

Моя жизнь — это и есть мое учение.

Ганди М. К., махатма

Несколько лет назад, после того как слово «перестройка» начало вызывать у советского народа непреодолимое желание обогатиться любой ценой, Родик достиг очередного пика карьеры, став самым молодым доктором наук в своей отрасли. Он получил почти все привилегии, о которых мог мечтать советский засекреченный физик, включая свободный график работы и должность начальника лаборатории. Сотрудники и друзья считали его везунчиком и сплетничали об истинных причинах таких успехов, признавая при этом наличие у него интеллекта, целеустремленности и деловой хватки. Почти год назад Родик в тайне от всех стал еще и кооператором, успешно продающим свои и чужие технические достижения.

Эта деятельность при сравнительно малых издержках времени и сил приносила столько денег, сколько истратить в условиях всеобщего дефицита было невозможно. Проблемы, связанные с их расходованием и хранением, порой вызывали в памяти образы из произведений то Ильфа и Петрова, то Зощенко, то Маяковского. Стыдясь очевидных аналогий, Родик все же тайно платил за дефицит огромные деньги, придумывал способы их вложения, а иногда, найдя случайную компанию, кутил, тратя за ве-

чер годовую зарплату советского инженера. На такой путь Родика, воспитанного в духе социалистического пуританства и отрицания любых излишеств, толкнуло поощряемое перестройкой комсомольское предпринимательство, получившее в лучших советских традициях аббревиатуру НТТМ (научно-техническое творчество молодежи) и пришедшее на смену отживающим ССО (студенческим строительным отрядам), где во времена Родиковой молодости и при его активном участии делалось то же самое, но посредством приобщения к физическому труду.

А началось все с банальной пьянки с сотрудниками одного из институтов Академии наук, директор которого был научным руководителем разработок Жмакина. Тогда кто-то из комсомольских «вожаков» предложил от имени центра НТТМ написать отчет об уже проведенном ранее в лаборатории Родика исследовании и, сформировав из своих людей «творческий» коллектив, по хоздоговору получить дополнительную заработную плату. Это поначалу показалось Родикю, бьющемуся за каждый рубль фонда зарплаты, фантастикой. Однако, вспомнив крылатое выражение «попытка — не пытка», он согласился. Профинансировать эту «работу» по хозяйственному договору должен был его институт. Безналичных денег для этого там имелось много. Более того, их трата поощрялась, а контролировался только недорасход, за который еще и наказывали, лишая квартальной премии. Родик без проблем подписал у директора договор, институт перевел деньги, а центр НТТМ выплатил «творческому коллективу» такую сумму, которую невозможно было заработать и за двадцать лет безупречного труда.

Сначала заниматься этим было страшновато. Потом стало совестно, но вскоре Родик нашел оправдание: зарплату в стране унижительно не доплачивают и тем самым разваливают науку и производство. Отбросив сомнения, он со свойственной ему целеустремленностью вовлек в это и другие институты. Все новые разработки, хоть как-то связан-

ные с деятельностью лаборатории, руководимой Родиком, проходили через центр НТТМ, а выплачиваемые деньги шли через Жмакина. Теперь добрая половина сотрудников его института и еще двух десятков других получали дополнительную заработную плату, на порядок превышающую основную, а сам Родик имел в сберкассах по всей стране счета, куда регулярно поступали очень крупные суммы. Все это напоминало ему некоторые комментарии к уголовному кодексу.

Вскоре процент, который центр НТТМ отдавал на заработную плату, перестал устраивать Родика, и с появлением закона о кооперации он решил открыть кооператив. Будучи членом партии и сотрудником закрытого института, Жмакин, помня о последствиях НЭПа, сделал это далеко от Москвы — в городе Душанбе, где его почти не знали. В результате доходы возросли более чем в три раза и полностью легализовались, а на расчетном счете кооператива начали сосредотачиваться огромные денежные средства, которыми можно было относительно свободно пользоваться.

Сдерживающие его действия социалистические предрассудки, базирующиеся на общественной, а по факту ничьей собственности, как-то сами по себе пропали. Вместо них приобрели реальное значение ранее присущие только государственным бумажным обоснованиям понятия — деление прибыли, амортизация, производственные расходы, развитие производства, фондирование. Наполнение этих понятий реальностью требовало траты денег, которые Родик мог бы оставить для личных целей. Он быстро научился балансировать между расходами так, чтобы без ущерба для дела получать значительные, совершенно легальные средства для себя.

Родик купил машину, мебель, видеомагнитофон, дорогую одежду, стал захаживать в рестораны. На балконе он держал старый портфель, доверху набитый пачками двадцатипятирублевков. В общем, он получил все, что мог иметь советский гражданин, не желающий афишировать свое богатство. Но вскоре захотелось большего...

Каждый житель СССР стремился за границу. Даже туристическая поездка в страну социализма поднимала его значимость в собственных глазах и в глазах окружающих. Понимая это, еще десять лет назад Родик, уже будучи сотрудником закрытого института, исхитрился через райком комсомола организовать себе посещение Венгрии на «поезде Дружбы». Такой успех, помноженный на шикарный прием, устроенный венгерскими товарищами из ВСРП, вызвал в душе Родика массу чувств и спровоцировал его на такие поступки, которые контролирующая организации не одобряли.

На следующий день после возвращения в Москву его вызвали почему-то в отраслевой ЦК профсоюзов и попросили дать объяснения. Родик аргументированно объяснил, но его все равно пожурили, доброжелательно напутствовали и, вероятно, донесли еще куда-то. Хотя внешне все оставалось по-старому и карьера нисколько не пострадала, но любые попытки опять попасть за границу по различным причинам оканчивались ничем. Родик стал полностью «невыездным».

С тех пор он редко рассказывал анекдоты и приучил себя говорить лишь то, что выставляло его в возможных доносах с выгодной — в понимании властей — стороны. Часто он специально сочинял приятные для слуха стукачей истории и мнения, характеризующие его как примерного борца за социалистические идеалы. Однако мечта посмотреть мир не покидала Родика, а материальные блага чрезвычайно обострили желание вырваться за границу.

Теперь его хваткий ум любую информацию преломлял в том числе и под этим углом. Как-то то ли в «Литературной газете», то ли в «Неделе» он прочитал, как секретарь самого Сталина в страшные тридцатые годы бежал за границу через территорию нынешнего Таджикистана. Это послужило толчком к череде поступков на пути к цели. Родик показалось, что сама судьба направила его открыть кооператив в столице этой республики, и это придало ему небывалую уверенность в успехе.

Таджикистан был одним из немногих, а может быть и единственным, регионом СССР, где расцвели со свойствен-